

В конце концов, они вдвоём всю жизнь были образцовыми монархом и подданным, хотя в конце концов немного рассорились. Однако в этой жизни они потеряли всякую видимость сердечности и стали рваться друг к другу, как враги.

«Ладно, я действительно пришёл сюда не для того, чтобы ссориться с тобой» - Шэнь Ян потёр лоб, вздохнул и сказал: «Я немного подумал, для нас будет лучше сотрудничать. Се Кэ, я обещаю, что смогу оказать тебе самую большую помощь, даже лучше, чем в прошлой жизни. После императорского экзамена я всё тщательно спланировал. Даже если я ухвачусь за эту возможность сейчас, всё равно будет трудно защитить Чжиюя в краткосрочной перспективе. Без фона я не могу даже приблизиться к нему и сказать несколько слов. Теперь его мозг повреждён, что если над ним действительно будут издеваться во дворце?».

Когда Шэнь Ян говорил о Фу Чжиюе, он не мог скрыть беспокойства на своём лице, как будто он был трудолюбивым старым отцом, гораздо более заботливым, чем император Цинъюань.

Се Кэ усмехнулся и сказал: «Конечно, рассчитывай и планируй, но я всё равно быстрее всех, верно?».

«Не нужно говорить такие неприятные вещи» - сказал Шэнь Ян. «Говоря прямо, каждый берёт то, что ему нужно, и использует друг друга».

Се Кэ посмотрел на него, но подумал о другом.

Он чётко знал, что Чжиюй не верит в то, что давно влюбился в него. Он лишь считал, что Се Кэ компенсирует свои сожаления и скоро сдастся. Се Кэ не мог с этим поспорить, поэтому ему пришлось прибегнуть к практическим действиям, чтобы показать, делает ли он всё это из глубокой любви или из чувства вины.

По правде говоря, Шэнь Ян действительно чувствовал себя виноватым.

Его чувство вины было настолько глубоким, что из-за его непреодолимой одержимости его данные отказались исчезать, и он вернулся с целым перезагруженным миром.

В глубине души Се Кэ понимал, что Юань Мингдао, скорее всего, просто предан. Он слишком отличался по возрасту от Чжиюя, который воспитывал его как младшего брата. Любовь - не единственное, что заставляет людей рисковать жизнью, возможны и другие чувства.

Но когда Се Кэ увидел, что Чжиюй так нежен с Юань Мингдао, а к нему так холоден и равнодушен, не говоря ни слова, ему стало не по себе, и он ослеп от ревности.

Очевидно... в прошлой жизни Чжиюй был так добр к нему. Глаза Чжиюя были мягкими, когда он смотрел на него. Как такое может быть сейчас?

Но если бы он действительно избавился от этого ребёнка, это было бы невозможно для него и Чжиюя.

Подумав об этом, Се Кэ вздохнул. Он не собирался больше разговаривать с Шэнь Яном. Он махнул рукой и сказал: «Ладно, нет уверенности, что ты сможешь выжить в этом мошенническом деле. Если ты благополучно выйдешь из него, приходи ко мне снова. Мне не интересно сейчас болтать с умирающим человеком».

Шэнь Ян также знал, что это стиль разговора Се Кэ. Он закатил глаза и сказал идеально: «Тебе нужно отдохнуть - после чего быстро ушёл».

Он понял скрытый смысл слов Се Кэ. Се Кэ хотел узнать, каковы его методы в этом мошенническом деле и действительно ли он может быть использован самим Се Кэ.

Фу Чжиюя во дворце Лули это не волновало. Сегодня он лениво лежал на плетёном кресле во дворе, вытянув руку, чтобы взять мускусный дыньку на столе.

Дело о мошенничестве становилось всё более напряжённым, слухи распространялись по всему городу, как внутри дворца, так и за его пределами. Цензоры долго вели расследование, но в него вовлекалось всё больше и больше людей, в том числе и лучший результат экзамена. Сегодня император снова вышел из себя при дворе. Ходили слухи, что свитки были брошены им прямо на землю, а ругань была очень неприятной.

Фу Чжиюй доел дыню в своей руке и снова перевернулся.

Весеннее солнце было таким приятным, и цветы и растения во дворе хорошо росли. Весенние цветы были крупнее и гуще, чем в других местах, они образовывали золотые водопады, среди них летали пчёлы и бабочки, как на картине.

Юань Мингдао был в центре этой картины. Он тренировался и не прекращал занятий уже больше часа.

«Хорошо, хорошо» - Фу Чжиюй долго наблюдал за ним и не мог не прервать его. «Не тренируйся так долго, почему ты так спешишь, дитя? Подойди, выпей глоток сладкого супа, сделай перерыв и давай поговорим».

Юань Мингдао послушался, перегруппировал свои позиции, подбежал к Фу Чжиюю, взял чашу в руки и сделал большой глоток сладкого супа из семян лотоса. Суп был оставлен остывать, и глоток его в это время дня, с клейкими семенами лотоса в нём, был неописуемо освежающим.

Выпив суп, Юань Мингдао сел рядом с Фу Чжиюем. Он был настолько мокрым от пота, что не осмелился прикоснуться к Фу Чжиюю, который был весь чистый. Он просто наблюдал за ним и с уверенностью сказал: «Господин набрал вес».

«Разве?» - Фу Чжюй медленно поднял руку, коснулся плоти на своём лице, а затем ущипнул себя за руку, которая действительно была немного мягкой.

Юань Мингдао поспешно добавил: «Это хорошо. Зимой мастер очень страдал и был таким худым, что кости его запястий были видны. Его талия была тоньше, чем у девушки».

Жестикулируя руками, он использовал свой не очень большой словарный запас, чтобы пукнуть радугой в сторону Фу Чжюя: «Но мастер всё равно выглядит хорошо. Он хорошо выглядит, когда он худой, и он хорошо выглядит, когда он толстый. Он выглядит лучше, чем все остальные».

В последнее время Фу Чжюй пребывал в расслабленном состоянии. Он ел всё, что хотел, но ему было лень двигаться. Естественно, он хотел вырастить немного мяса. Но Юань Мингдао не лгал. После того, как он немного набрал вес, он действительно стал красивее, чем раньше, а не худым, как лист бумаги, который вот-вот унесёт ветром.

Фу Чжюй смотрел на пейзаж сада, как на картину, и остальные смотрели на него так же.

Семнадцатилетний юноша был одет в голубые одежды и лежал на кресле в павильоне. Он не потрудился завязать свои чёрные волосы. Казалось, что от его тела исходит какой-то аромат растительности, отчего, как только человек оказывался рядом, он чувствовал умиротворение. Присмотревшись, можно было заметить, что молодой человек, видимо, решил, что весной немного жарко, и даже не надел обувь. В любом случае, он не позволил никому войти, чтобы прислуживать, поэтому следовал своим собственным желаниям. Его белые ноги свисали с края кресла, такие гладкие и чистые, словно вырезанные из цельного куска белого нефрита.

Всё его лицо словно светилось; глядя на него, невозможно было отвести взгляд.

«Кстати» - Фу Чжюй пошевелился, словно что-то вспоминая, внимательно осмотрел руки и икры Юань Мингдао и спросил. «Ты уже давно используешь мою кровь. Как сейчас проходят твои тренировки? Намного ли лучше, чем в прошлой жизни?».

«Естественно» - Юань Мингдао поднял голову и гордо ответил: «Я открыл меридианы Рен и Ду, у меня есть основа, поэтому я делаю гораздо меньше обходных путей. Просто сейчас это тело ещё маленькое, поэтому я всё ещё нахожусь в невыгодном положении по сравнению со взрослыми. Если я продолжу в том же духе и буду практиковать ещё несколько месяцев, то смогу вернуться на уровень своей прежней жизни, а дальнейший прогресс, очевидно, не за горами».

Сказав это, Юань Мингдао снова немного забеспокоился, взял руку Фу Чжюя и сказал: «Мастер, больше не давайте мне вашу кровь. Разве вы не говорили, что если я долгое время нахожусь рядом с вами, то это тоже эффективно? Супруга Юнь и семья Юань действительно нуждаются в ней, им нужно питать свои тела, но мне уже достаточно. Вы повредите себе, если возьмёте слишком много крови».

Фу Чжюй согнул пальцы и постучал по маленькой голове Мингдао, с улыбкой сказав: «Сколько крови ты можешь взять у меня? Здесь всего несколько человек, и то, что вы пьёте её или едите, разбавляется, а потом снова разбавляется. Когда ты выпил её в первый раз, это была всего лишь капля, и она долго не выветривалась. Это было похоже на волшебное зелье; разве я посмею вот так сразу дать его кому-то? За несколько месяцев ты взял в общей сложности совсем немного крови. Я всё равно позволил доктору Чэну взять кровь только один раз. Нефритовая бутылочка размером с большой палец ещё не была наполнена, и моя мама начала дрожать. Бутылка ещё не допита. Ребята, ах... её так мало, такое количество меня не убьёт».

Он подмешивал свою кровь в еду, например, в конфеты из кедровых орехов и грушевое варенье, чтобы сделать её вкусной и замаскировать. С матерью всё было просто, но не мог же он без причины давать людям из резиденции Юань и гранд-мастеру Сюю лекарства?

С тех пор как доктор Чэнь разработал таблетки, которые были согревающим тонизирующим средством и не имели побочных эффектов, Фу Чжюй продолжал их принимать. Если бы кто-то действительно тщательно проверил их, то ничего бы не обнаружил. Другие врачи смотрели на материалы и считали, что всё в порядке, и хвалили хорошее качество пилюль.

Пилюли сохранялись лучше, чем еда, и ему не нужно было часто брать кровь. Фу Чжюй всё ещё боялся бактериальной инфекции в негигиеничных условиях. Кроме того, он много читал в системном пространстве, и знал, что кровь будет метаболизироваться. Не то, чтобы она исчезла после забора, не говоря уже о том, чтобы её выкачали, как представлял себе Юань Мингдао, поэтому он совсем не волновался.

У него хранилось несколько коробок с этими пилюлями, все они были сделаны за один раз. Доктору Чэню было нелегко подкрасться и что-то сделать. Фу Чжюй, кстати, тоже дал ему коробку. Доктор Чэнь не знал, что лекарство в пилюлях - это вода, смешанная с кровью, которую он взял в прошлый раз. Возможно, он о чём-то догадывался, но в любом случае, он просто честно выполнил то, что сказал его хозяин.

Что касается боли, которую он почувствовал, когда доктор Чэнь взял его кровь, то она была для него как укусы комара. По сравнению с эффективностью, это было ничтожно мало.

«Кроме того, если я не сделаю этого, как я смогу поддержать мою мать и тебя в будущем?».

«А?» - Юань Мингдао выглядел озадаченным, он действительно не думал об этом. После того, как его подобрал Фу Чжюй, он больше никогда не беспокоился о деньгах в течение двух своих жизней.

«Разве мы не очень богаты?» - задался вопросом Юань Мингдао. Одежда, которую он носил, стоила столько, что обычным людям хватило бы на год. «Нам всё ещё нужно беспокоиться об этом?».

«Мы убегаем, мой маленький друг» - Фу Чжюй сел на своё кресло. «Естественно, чем легче

мы идём, тем лучше. Сможешь ли ты бежать с золотом и серебром? Даже если мы возьмём лёгкие нефритовые украшения, чтобы обменять их на деньги, на многих вещах, которыми мы пользуемся сейчас, есть имперские клейма. Ломбард узнает их с первого взгляда. Как они осмелятся обменять эти вещи на деньги? Даже если мы возьмём что-то, что нельзя распознать, и получим взамен деньги, мы же не можем просто сидеть на них или рассчитывать на то, что мои дяди всё время будут нас кормить?».

Трудно было перейти от роскоши к бережливости; он не собирался бежать с матерью и Мингдао, чтобы терпеть лишения. Естественно, все эти вещи должны были быть хорошо спланированы, в том числе и деньги.

Юань Мингдао тщательно всё обдумал, и это действительно имело смысл.

«Я, я уже очень хорошо питаюсь» - он всё ещё старался изо всех сил развеять мысль Фу Чжиюя: «Нет необходимости тратить на меня много денег в будущем. И я очень хорош в боевых искусствах, я могу зарабатывать деньги».

Юань Мингдао ещё раз всё тщательно обдумал и хотел найти для Фу Чжиюя пример того, как он может заработать много денег. Однако заработать небольшие деньги с помощью высоких боевых навыков было несложно, но сразу заработать много денег было трудновато, если только не убивать людей ради наживы.

Фу Чжиюй успокаивающе погладил его по голове, прося не волноваться, и сказал: «Не волнуйся, у меня есть чувство меры. Даже если я захочу продать, я не стану продавать много и никогда не раскрою ингредиенты. Я буду продавать понемногу. Редкие вещи ценны. Этого будет достаточно, чтобы прокормить нескольких из нас. Кроме того, хотя мы не всегда можем рассчитывать на дядюшек, мы всё равно можем воспользоваться их помощью».

Когда Юань Цзяньвэнь был молод, он выбрал путь коммерции. Это была очень тяжёлая работа. Сначала он продавал чай и шёлк, но потом стал продавать всевозможные товары, зарабатывая на торговле между странами. Фу Чжиюй слышал, что он также отправил в море несколько кораблей.

В последние годы его дядя стал слишком стар, чтобы бегать по улицам. Различные караваны продолжали прилично работать, но прибыль была меньше, чем в начале. Юань Цзяньвэнь начал оседать на дно, работал ростовщиком, ломбарды, открыл ресторан и постоянный двор на юге, неожиданно заработав больше, чем раньше.

В столице не ценили бизнес, как будто купцы были неполноценными, а те, у кого было немного денег, заставляли своих детей готовиться к императорским экзаменам. Но на юге всё было иначе. Ходили слухи, что купцы там имели высокий статус, рынок был процветающим, базары ярко освещались всю ночь, и было много купцов, которые были очень богаты. Нередко они бросали кучи денег, чтобы получить желаемое.

По соображениям Фу Чжиюя, ломбарды могли пригодиться в это время. Он знал, что в

ломбардах регулярно продаются вещи, которые не успевают выкупить. Некоторые обычные заложенные вещи продавались оптом, но если попадалось что-то более ценное, то оно выставлялось на аукцион. Естественно, такой аукцион не раскрывал продавца, а ломбарды держали в тайне, откуда они получили товар. Это было безопасно и вполне соответствовало его плану незаметно сколотить состояние.

Фу Чжюй планировал продать там свои таблетки, и торопиться ему было некуда. Когда придёт время, если его младший дядя возьмёт больше лекарства, он, несомненно, что-то поймёт.

Даже если бы Фу Чжюй ничего не сказал, дядя взял бы инициативу на себя и спросил; у него была та необходимая чувствительность, которой должен обладать бизнесмен. Даже Хуа Туо (знаменитый врач конца династии Хань) при жизни не смог изготовить такое лекарство, поэтому, естественно, продать его не составит труда.

Если бы это было сделано, Фу Чжюй стал бы мобильной дойной коровой.

«Это секрет» - Фу Чжюй подмигнул Юань Мингдао. «Между тобой, мной и матерью-супругой».

<http://bllate.org/book/15738/1408855>